

ДВЕРИ, КОТОРЫЕ ПРИЯТНО ОТКРЫВАТЬ.

ПОД КРОВОМ КРЫЛ.

ИЗ ЖИЗНИ СИДЯЩИХ НА ПОДОКОННИКЕ

Виктор Теплицкий - писатель, священник, лектор г. Красноярск

DOORS THAT NICELY OPEN.

UNDER THE SHELTER OF HIS WINGS.

OF LIFE SITTING ON THE WINDOWSILL

Victor Teplitsky is a writer, a priest, lecturer, Krasnoyarsk

Утро начиналось как обычно. По-быстрому закончив с домашними делами, я отправился в любимую кофейню. Открыл знакомую дверь, повесил мокрую куртку на крючок, оглядел уютный зальчик. Посетителей – никого, и мой столик у окна – свободен! Я извлёк из пакета стопку чистых листов бумаги, карандаш, ластик и устроился в кресле в ожидании официанта. Через пару минут ко мне подошёл молодой человек, давно работающий в этом милом заведении. Меню в его руках не было. «О! здесь уже в курсе моих заказов!» – обрадовался я. Но едва произнёс: «Сегодня как обычно...», как он вдруг сухо оборвал:

– Опять писать собираетесь?

Я кивнул:

– Пожалуйста, «американо» и канапе с...

– Нет! Никакого кофе! Никакого сыра!

Сказал как отрезал, стоит и смотрит немигающим взглядом, будто манекен. Я поёжился, оглядел пустующий зал:

– А почему, собственно?

– Почему? – Брови вскинулись, словно стрелки на пружинках. – Да потому, что вы тут часами сидите, строчите, а берёте чашку дешёвого кофе и несчастное канапе. Нам это уже надоело. Правда, девушки?

Местные официантки тут же окружили столик и застрочили, как по команде:

– Ну сидишь тут по полдня, так закажи что-нибудь конкретное!

– Чаевые – смех. Совесть совсем потеряли!

– Другие за это время столько понаберут, что о-ё-ё-ой. А этот! Достал уже! Эконом, блин! – особенно громко возмущалась симпатичная бариста, которая всегда была со мной подчёркнуто вежлива.

– Вот видите, – подытожил молодой человек, – никто уже не хочет терпеть ваши выходки. Так что покиньте помещение.

– Да на каком основании!.. – Я пытался сопротивляться, но их натиск был внезапным и крепким. В одинаковых коричневых рубашках и фартуках, плечом к плечу, поднос к подносу, они напоминали холодную шершавую стену без единой щели. И всё-таки я продолжал искать брешь в этом кофейно-кирпичном монолите.

– Послушайте, ведь я ваш постоянный клиент и имею полное право заказать...

– Кофе с кусочком хлеба? Вы издеваетесь?

– Хорошо, я закажу что-нибудь подороже.

– Знаем мы ваши штучки! Сегодня обед, а завтра снова канапе и столик на четыре часа. Повторяю: покиньте заведение и не устраивайте истерик.

Официант отошёл, давая понять, что разговор закончен. Фигурки в кирпичных фартуках, выстроились вдоль барной стойки.

Я убрал в пакет бумагу, карандаш и ластик, обмотал шею шарфом, надел мокрую куртку...

...Влажный, тяжёлый снег на глазах превращался в грязное месиво. Подняв воротник, я двинулся навстречу ветру. Через квартал была ещё одна кофейня с модным заморским названием.

Открывая массивную дверь, я сразу же почувствовал себя не в своей тарелке: драпированные стены, длинные диваны, низкие лакированные

столики – всё выглядело вульгарно и неоправданно шикарно. О ценах я даже не рискнул помыслить, но выбора не было. Я как мог небрежно направился к пустому столику у широченного окна. Одно из самых больших удовольствий – наблюдать за жизнью по ту сторону стёкол.

Но тут, будто из воздуха, передо мной возник молодой человек в синем, с иголки, жилете со значком на груди. «Администратор» – и что-то сжалось у меня под рёбрами. Молодец со значком окинул цепким взглядом куртку, пакет, и губы его сложились в безупречно отточенную улыбку.

– Добрый день! Поработать зашли? С бумагами?

– Ну да...И кофе попить, конечно.

– Кофе, значит. Понимаю. – Он продолжал целлулоидно улыбаться, не пропуская меня в зал. – Вы, я вижу, писать собираетесь? Понятно. А ноутбук, простите, у вас с собой?

– Что?

– Ноутбуку вас с собой? Или вы предпочитаете смартфон?

– Мне не нужен компьютер. У меня есть карандаш.

– Карандаш?

– Да. Могу показать.

– Нет-нет. Не надо. Карандаш – это замечательно. Но с карандашами к нам нельзя.

Уголки его губ опустились вниз, и улыбка завязалась в розовый казённый бант.

Дело принимало скверный оборот. Но я не собирался сдаваться без боя.

– А почему нельзя-то? Какая разница – ноутбук, карандаш, ручка, в конце концов?

– Вы бы ещё пишущую машинку сюда принесли! Видите, здесь многие работают, но у всех цифровые, понимаете, – он обвёл рукой помещение своей модной кофейни, – цифровые устройства! – Бант развязался, и лицо снова

провалилось в непроницаемую улыбку. – Вы понимаете, что такое формат заведения, клиентура?

– Так ведь я и есть ваш клиент!

–Нет, с карандашами тут не ходят. В другой раз, пожалуйста– и рука администратора изящно указала на дверь.

...И снова ветер, снег и грязная жижа под ногами. С общепитом дело накрылось, дома сейчас жена и старший сын, ближайшая библиотека на ремонте. А мне позарез нужны хотя бы полтора часа!

Мысли скакали, снег падал, ноги сами выбирали дорогу. Я не очень удивился, когда оказался у стеклянной двери старого книжного магазина на первом этаже моего дома. Стоять возле полок, вбирая в себя цвет и запах новеньких корешков, не спеша перелистывать страницы – это было сродни блаженству гурмана, открывающего вожделенную пыльную бутылку.

У классиков я, как обычно, медлил, готовясь нырнуть в море знакомых имён. И уже протянул руку к Кафке, как меня негромко, но строго окликнула крашенная блондинка лет пятидесяти – в модных очках.

– Здесь нет ничего интересного. Вон там, – пухлый палец с длинным, ярко окрашенным ногтем указал в противоположную сторону, – эзотерика, психология, бизнес, на худой конец – Мураками.

«Худой конец Мураками», – машинально повторил я за ней.

... Не помню, как я покинул эту книжную гавань. Помню только, что продавщица как-то внезапно завелась, помню палец, нацеленный прямо на меня...

...Почти час я месил грязь возле дома, пока не вымок окончательно. Озябшая рука торопливо ищет в кармане ключ. Как приятно всё-таки открывать дверь своей квартиры!

Тихонько проникаю в тёплый тёмный коридор. Никто не выходит. Стало быть, жена на кухне, а старший у телевизора. Отлично! Оставляя на полу мокрые следы, крадусь к двери спальни. Пальцы уже касаются ручки-защёлки,

когда меня настигает извиняющийся голос жены: «Ой, Юра, там папа отдыхает. Он утром приехал. Погостит несколько дней. Может, ты сегодня в какой-нибудь кафешке поработаешь, пока я тут готовлю?»

...Я стою перед закрытой дверью собственной спальни. А на улице ветер, и снег, и нескончаемое грязное месиво.

ПОД КРОВООМ КРЫЛ

Пуля искала полковника.

Повинуясь чужой воле, вырвалась из раскалённого ствола. Она со свистом рассекала воздух, неотвратно приближаясь к аорте... Но в последнее мгновение невидимое крыло укрыло человека. И пуля пронеслась мимо. Цокнула о камень, потерялась в горах. Но не забыла того, кому была предназначена.

Полковник слышал, как щёлкнула пуля. Учужал смертную тень, скользнувшую по шее. Он отполз в укрытие, вставил в автомат новый магазин. Сейчас было не до размышлений: рота вела бой.

И только потом, отхлёбывая из фляжки тёплый спирт, вспомнил о пуле. Вспомнил и о том, как первый раз оказался в горах – зелёным, безусым рядовым. Три дня лежал на скале. Ждал караван. Пылало чужое солнце, злился холодный ветер, давила глыбой тишина. Духи обматывали тряпками копыта ишаков, и потому нужно стать слухом, превратиться в камень... Но вот щель прицела находит фигуру человека. Палец жмёт на спусковой крючок. Тишина взрывается, раскалывается на куски... грохот, крики, дым...

Сначала он выполнял приказы; крыл свинцом, ходил врукопашную. Но ещё в те годы – болтаясь на горячей броне – понял: война приросла к нему, пустила корни. И вскоре он командовал сам.

Были горячие точки. Обходные манёвры, рейды, зачистки. Были награды и потери, холодные цифры рапортов. Он узнал, что такое боль тела. Как

нестерпимо болит душа, откроется позже. Как и то, что самые страшные раны – лица убитых врагов. Эти осколки с корнем не вырвешь.

А ещё он вспомнил мать на пороге, пальцы, сложенные щепотью, губы шепчущие: «Живый в помощи Вышняго...» Ему врезалась строка: «...покроюсь в крове крыл твоих...» Полковник верил: он будет под кровом крыл, пока молится давшая ему жизнь.

Он воевал долго. У страны много недругов, а он дал присягу. Огни иноземных городов, незнакомая речь...ему казалось, что он привык. Первая жена не выдержала тяжести расставаний; ушла, оставив короткую записку. Когда полковник вернулся в брошенный дом, начался ад. Он пил с друзьями и незнакомцами, в компании и в одиночку. Пил до беспамятства, надеясь залить свои раны, своё одиночество... А потом уезжал воевать.

Но на этот раз – всё. Для него война закончилась. Пуля прошла мимо, и, значит, ему дозволено жить... Он снова отхлебнул из фляжки.

Прошли годы. Страна в полковнике больше не нуждалась и старалась о нём забыть. Женщины долго не задерживались. Но одна почему-то осталась. Он ухватился как утопающий за соломинку. Она стала его женой. Ей – маленькой и хрупкой – хватало сил тащить полковника. Терпеливо, безропотно, веря, прощая. У них родилось четверо ребятишек – три мальчика и девочка. Полковник старался держаться на плаву: загружал себя работой, носил в сердце поцелуи любимой и объятья детей, строил дом, сажал деревья. Бурно текла мирная жизнь. Но временами его накрывало: выстрелы, хрипы, осколки... Он кидался к бутылке и пропадал на неделю, а то и на две. Тело уже не выдерживало; врач, подходя к постели, укоризненно цокал языком. Полковник лил холодную воду на голову (только так отступала контузия), а в горло вливал алкоголь. Когда возвращался к семье, обещал, что это последний раз.

Он похоронил мать и был убеждён: он уже не под кровом; где-то его ищет ненасытная пуля. Когда слышал смех детей, молил, чтобы пуля его потеряла, а когда душу рвали лица-осколки – чтобы нашла.

Но иногда сквозь осенние ветки полковник смотрит на звёздное небо. И тогда отступает тревога. И восходят на сердце ясные мысли. О невидимых крыльях. О той, что дала ему жизнь, и о Том, Кому она молилась. И пока полковник ищет Того, Кому она молилась, пуля будет кружить, требуя мести.

Настигнет?

Это знает лишь Тот, Чьё крыло укрывает полковника.

ИЗ ЖИЗНИ СИДЯЩИХ НА ПОДОКОННИКЕ

Я живу на пятом этаже. Моя квартира чем-то напоминает раковину моллюска – без излишеств, но со всеми удобствами. Аккуратно прибранная комната с окном на улицу, крохотная, гладкая кухня, небольшой коридор.

Мои дни – обычные будни человека. В них я существую. Мои вечера – комфортное одиночество моллюска. В них я живу.

Почти каждый вечер после телефонного разговора с мамой я выключаю свет, сажусь на подоконник, обхватываю ноги руками и... смотрю.

Сейчас идёт дождь. Свет фонарей отражается в подергивающихся лужах. Небо заволочла холодная и вязкая темень. Капли без усталости секут жёлтые электрические круги и пластик автобусной остановки под моим окном. Дождь выстукивает что-то меланхоличное, и в эту монотонность органично вливается шум одиноких машин. Уже поздно, и на улице почти никого.

Я собираюсь покинуть место наблюдения, как откуда-то сбоку появляются двое: парень и девушка. Парень, в пиджаке, джинсах, с сумкой через плечо, спешит к остановке, перемахивая через лужи. Девушка в лёгком светлом платье, обхватив руками плечи, тянется за ним. Я вижу её мокрые, скрученные в завитушки волосы, жалкую чёлку, закрывающую лоб.

Парень прячется под прозрачным куполом. Следом подходит девушка, садится на узкую скамейку. Друг с другом не говорят. Неужели не знакомы? Не похоже. Он стоит отвернувшись в темноту соседней улицы. Она неподвижно сидит, глядя прямо перед собой. В конце концов он выходит под дождь и начинает «голосовать» (я успеваю заметить короткие взгляды в её сторону). Останавливается забрызганная иномарка с шашечками. Парень ныряет на переднее сиденье и что-то кричит ей из машины. Вопрос? Прощание? Она не реагирует. Хлопает дверь, машина срывается с места, окатывая тротуар мутной волной.

Я в замешательстве – такой странный, нерадостный финал...

Девушка какое-то время сидит опустив голову и обхватив плечи. Потом ставит ноги на скамейку, натягивает край платья на колени и обвивает их руками. Волосы растеклись по плечам, и плечи, как мне кажется, чуть подрагивают. От холода? От плача? Или это воображение?

Я решаю действовать: надо взять зонт, какой-нибудь свитер, вызвать ей такси...

Набрасываю куртку, прыгаю в сандалии, захопываю дверь. Как же медленно ползёт лифт! Тусклый свет подъездной лампочки, скрип двери. Мокрые морды автомобилей вдоль черных окон. Капли выстукивают что-то несуразное по натянутой ткани зонта. Холодно... Огибаю угол дома... чахлые кусты сирени. Впереди маячит прозрачный купол остановки. Ещё немного, и девушка будет спасена! Стоп!!! А как это вообще будет выглядеть со стороны? За какого она меня примет? И что я скажу ей: «Извините, я подсматривал за вами из окна»? Вопросы, как капли по зонту, стучат в моей голове...

Вздрагиваю. Я всё так же сижу на своём подоконнике, обхватив ноги. Да уж!..

...Есть другой вариант. Можно просто открыть окно и крикнуть: мол, не пугайтесь, сейчас спущусь, помогу. Она поймёт. Ей нужна помощь. Всего

лишь открыть окно, набрать воздуха в лёгкие и крикнуть – совсем не трудно для сидящего на подоконнике человека...

Дождь не затихает ни на секунду. Капли стучат по жестянке карниза. Лужи дёргаются и пузырятся. Из темноты квартиры-раковины одинокого моллюска наблюдаю жизнь за окном – редкие машины, качающиеся провода, одиноко бредущая фигурка в светлом платье, удаляющаяся из поля зрения.

Я сижу на подоконнике.